

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-6-214-224>

СУДЕБНАЯ ДОКТРИНА И ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛЬЕ ДОЛЖНИКА: МЕЖДУ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫМИ ОРИЕНТИРАМИ И ПРАКТИКОЙ

Светлана Игоревна Саванина

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Svetlana.Savanina@yandex.ru

Аннотация

В условиях отсутствия детальной легальной регламентации пределов исполнительского иммунитета на единственное жилье должника ключевая роль перешла к судебной доктрине – совокупности выработанных судами критериев и подходов, направленных на баланс права на жилище и права кредиторов на судебную защиту. Автор ставит перед собой цель выявить содержание и источники этих доктринальных критериев при обращении/необращении взыскания на единственное жилье должника и оценить их соотношение с прецедентом и разъяснениями Верховного и Конституционного судов Российской Федерации. В процессе исследования использовались формально-юридический метод и метод сравнительно-правового анализа. На материале Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан от 18 июня 2025 г. автор показывает, что доктрина де-факто функционирует как «функциональный иммунитет», допускающий замещение жилья при соблюдении гарантий. Автор приходит к выводу о необходимости кодифицировать ядро критериев и унифицировать стандарты их применения, укрепив защиту должника и членов его семьи.

Ключевые слова: судебная доктрина; прецедент; исполнительский иммунитет; единственное жилье; банкротство граждан; «роскошность»; пригодность для проживания.

Для цитирования: Саванина С. И. Судебная доктрина и пределы исполнительского иммунитета на единственное жилье должника: между конституционно-правовыми ориентирами и практикой // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 6. С. 214–224. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-6-214-224>

Research Article

JUDICIAL DOCTRINE AND THE LIMITS OF ENFORCEMENT IMMUNITY FOR THE DEBTOR'S ONLY DWELLING: BETWEEN CONSTITUTIONAL-LAW BENCHMARKS AND PRACTICE

Svetlana I. Savanina

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia

Svetlana.Savanina@yandex.ru

Abstract

In the absence of detailed statutory regulation of the limits of enforcement immunity for the debtor's only dwelling, the key role has shifted to judicial doctrine—a set of court-developed criteria and approaches aimed at balancing the right to housing and creditors' right to judicial protection. The author aims to identify the content and sources of these doctrinal criteria in deciding on the imposition/non-imposition of enforcement on the debtor's only dwelling and to assess their relationship with precedent and the guidance of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation. The study uses the formal-legal method and comparative-legal analysis. Using the Supreme Court's Review of Case Law on the Bankruptcy of Individuals of June 18, 2025, the author shows that the doctrine *de facto* functions as “functional immunity”, allowing substitution of the dwelling provided that safeguards are observed. The author concludes that it is necessary to codify the core of the criteria and to unify the standards for their application, strengthening the protection of the debtor and members of his/her family.

Keywords: judicial doctrine; precedent; enforcement immunity; only dwelling; consumer bankruptcy; luxury standard; habitability.

For citation: *Savanina S. I. Judicial Doctrine and the Limits of Enforcement Immunity for the Debtor's Only Dwelling: Between Constitutional-Law Benchmarks and Practice. Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 6, pp. 214–224. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-6-214-224>

Введение

Вопрос о пределах исполнительского иммунитета «единственного жилья» стал одной из самых острых точек соприкосновения публичных и частных интересов в новейшей российской практике. Действующее законодательство говорит мало и обобщенно, а жизнь – многословна и конкретна. Между этими полюсами неизбежно возникает пространство судебного усмотрения, где решения судов перестают быть лишь единичными ответами и складываются в устойчивые подходы. Эти подходы – то, что в современной теории и практике правоприменения уместно называть «судебными доктринами»: повторяемые, воспроизводимые в схожих делах критерии, позволяющие удерживать баланс между конституционным правом гражданина на жилище и правом кредитора на эффективное исполнение судебного акта.

Возникновение и закрепление таких доктрин особенно заметно там, где нормативная ткань имеет разрывы. Исполнительский иммунитет на единственное пригодное для проживания помещение – как раз такой случай. Концепция «функционального иммунитета», выросшая из решений Конституционного Суда РФ и последующих ориентиров Верховного Суда РФ, на практике обретает форму набора проверок: «пригодность для постоянного проживания», «разумная потребность», «роскошность» жилища, «добросовестность» должника. Однако сами эти проверки конкурируют между собой и порой тянут правоприменение в разные стороны, в результате чего одинаковые по сути судебные сюжеты получают разнонаправленные развязки.

Чтобы понять, почему так происходит и можно ли придать практике предсказуемость без утраты гибкости, необходимо сделать шаг назад и очертить рамку: чем судебная доктрина отличается от прецедента и почему в континентальной системе (к которой принадлежит Россия) именно доктринальная «сшивка» разрозненных решений становится рабочим инструментом развития права в условиях пробела. На примере иммунитета единственного жилья должника хорошо видно: доктрина одновременно интерпретирует закон и ограничивает усмотрение – вводя порог «разумного ухудшения» жилищных условий, требование замещающего жилья в том же населенном пункте, экономическую осмысленность реализации и т.п.

1. Судебная доктрина и судебный прецедент: истоки и отличия

Понятие судебной доктрины исторически сложилось прежде всего в странах англо-американской правовой традиции. В литературе отмечается, что оно изначально возникло в США как способ обобщения огромного массива прецедентов: рассматривая однотипные дела, судьи выработали типовые подходы (правила), которые получили название судебных доктрин [1]. Иными словами, доктрина формируется судами не в рамках одного дела, а путем извлечения общего принципа из ряда схожих судебных решений. В то же время судебный прецедент – это конкретное судебное решение по определенному делу, содержащее правовую позицию (*ratio decidendi*), обязательную или убедительную для нижестоящих судов при рассмотрении аналогичных случаев.

Несмотря на тесную связь, судебная доктрина – явление более сложное, чем отдельный прецедент. Как отмечают исследователи, доктрина обычно охватывает

совокупность нескольких прецедентов, каждый из которых сам по себе уже является источником права [2]. За счет этого доктрина имеет более высокий статус по сравнению с единичным случаем и обладает структурным многообразием. Если прецедент устанавливает правило для конкретной ситуации, то доктрина систематизирует множество родственных решений, выявляя между ними общее начало. Доктрины выполняют важные функции: помимо упорядочения судебной практики, они служат инструментом для придания законам нового смысла, для восполнения пробелов и даже для легитимации новых прав или изменения существующих норм [3; 4; 5]. При этом судебные доктрины динамичны – по мере появления новых решений они могут дополняться и развиваться, тогда как прецедент остается относительно статичным, пока не будет изменен вышестоящим судом.

Таким образом, ключевое отличие состоит в степени обобщения и сфере применения: прецедент – кирпичик судебной практики, тогда как доктрина – своего рода «архитектурный проект», связывающий эти кирпичики в единую конструкцию правовой позиции судов.

В континентальной (романо-германской) правовой семье традиционно отрицается признание судебных решений в качестве источника права *de jure*. Россия, относящаяся к этой системе, формально не знает института обязательного прецедента, а ведущую роль в правотворчестве играет законодатель. Тем не менее на практике значимость судебных разъяснений и позиций высших судов неоспорима – они де-факто обеспечивают единообразие применения норм. В современной российской юридической науке постепенно складывается понимание судебной доктрины применительно к правовой системе РФ, хотя само употребление этого термина вызывает дискуссии.

Некоторые ученые указывают, что термин «судебная доктрина» можно использовать для обозначения устойчивых правовых позиций, формируемых судебной властью, особенно высшими судами [6]. Так, Конституционный Суд в одном из решений прямо упомянул «особую роль судебных доктрин», подчеркивая, что в сложных сферах, где законодательное регулирование отстает от жизни (например, борьба с уклонением от уплаты налогов), судебские разработки играют важную роль в восполнении пробелов и адаптации права [7]. В научных работах отмечается, что толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование практики, а разъяснения пленумов Верховного Суда все больше приобретают юридическое значение в силу потребности преодолеть неясности законодательства [8]. По сути, постановления Пленума Верховного Суда нередко рассматриваются как официальная судебная доктрина, задающая ориентиры для судей при правоприменении. Эти акты обобщают опыт рассмотрения определенных категорий дел и выступают итогом аналитической работы, сходной по результату с выработкой доктринальных принципов.

Вместе с тем использование термина «судебная доктрина» в российском контексте требует осторожности. Классическое понимание доктрины в континентальной системе – это, как правило, доктрина научная, мнения ученых-правоведов, оказывающие влияние на праворазвитие. Называть же судебную практику доктриной – относительно новое явление для отечественного правопорядка. Су-

существуют диаметрально противоположные подходы: одни авторы механически переносят понятие доктрины на любое сочетание элементов судебной практики и теории, другие, наоборот, признают только научную доктрину, игнорируя судебную составляющую [9]. Например, доктор юридических наук Л. П. Ануфриева отмечает, что важно избежать как гиперболизации дифференциации между правовой (научной) и судебной доктриной, так и прямого отождествления одного с другим. Она призывает к большей методологической осторожности и критическому отношению при использовании понятия «судебная доктрина» применительно к российскому праву. Иными словами, судебские правовые позиции действительно могут образовывать концептуальные линии (доктрины) практики, но говорить о них следует, учитывая специфику национальной системы, где такие позиции не являются формально источником права [10].

Тем не менее фактически российские суды уже накопили ряд устойчивых подходов, которые можно охарактеризовать как элементы судебной доктрины. Особенно это проявляется там, где закон содержит пробел или противоречие – высшие судебные инстанции вырабатывают консолидированные разъяснения, имеющие обязывающее значение для нижестоящих судов (через механизм надзора, отмен решений и обзоры практики). Так, нередко различные акты Верховного Суда представляют собой результат обобщения множества дел по определенной категории, выработку общего правила из множества частных случаев.

Таким образом, уместность термина «судебная доктрина» применительно к современному российскому праву зависит от контекста. Если понимать под ним устойчивую совокупность судебных позиций по определенной проблеме, подкрепленную авторитетом высшей судебной инстанции, – такой феномен в России безусловно существует. Но важно ясно осознавать, что юридически это выражается через постановления Пленумов, обзоры судебной практики, определения Верховного Суда по конкретным делам, а не через формально признанные прецеденты. Корректное использование термина не должно подменять собой законодательство или научную доктрину, а служит лишь аналитическим описанием роли судебной власти в формировании правовых подходов.

2. Судебная доктрина в условиях пробелов законодательства: пример исполнительского иммунитета на единственное жилье

Одной из причин активного формирования судебных доктрин является отсутствие полноценного законодательного регулирования в той или иной сфере. Когда закон не дает ответа на возникшую проблему, суды вынуждены заполнять лакуны, вырабатывая критерии и правила – по сути, создавая новую правовую норму своим решением. Такая ситуация сложилась, например, вокруг вопроса обращения взыскания на единственное жилье должника (ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Не будем очередной раз вдаваться в подробности правовой неопределенности данного института, приводя знакомые всем постановления Конституционного Суда РФ от 2012 г. [11] и от 2021 г. [12], а сразу обратимся к анализу Обзора Президиума Верховного Суда РФ от 18 июня 2025 г. [13], посвященного вопросам банк-

ротства граждан, в том числе проблеме единственного жилья должника. Этот Обзор можно рассматривать как кодификацию сложившейся судебной доктрины. В нем Верховный Суд последовательно изложил критерии и алгоритм действий судов, опираясь на предыдущие решения Конституционного Суда и на собственные определения по конкретным делам. В частности, подтверждены следующие ключевые положения:

1) при определении, какое жилье считается единственным, учитывается фактическое место проживания должника и семьи. Единственным может признаваться не только одна формально обособленная квартира, но и совокупность объектов, если они вместе не превышают разумной потребности (например, если семья живет в двух небольших смежных помещениях);

2) само по себе превышение площади жилья над социальными нормами не является единственным и достаточным критерием признания жилья роскошным. Нормативы квадратных метров – лишь ориентир, но суду надлежит оценивать и другие характеристики (стоимость, регион проживания, состав семьи и т.п.), комплексно решая, действительно ли жилье значительно превышает разумно достаточное;

3) решение о реализации единственного жилья допускается только при доказанной экономической целесообразности такой меры и с соблюдением баланса прав кредиторов и должника. Иными словами, продажа дома должна существенно улучшить позицию кредиторов и не поставить должника на грань выживания;

4) до продажи единственного жилья должнику должно быть предоставлено замещающее жилье в том же населенном пункте, достаточное для сохранения достойного уровня жизни должника и его семьи. Причем порядок приобретения замещающего жилья должен быть четко определен судом заранее, чтобы не возникало правовой неопределенности. Право собственности на новое жилье должно переходить к должнику не позже, чем утратится право на старое, – чтобы не было ни дня, когда должник остается без крыши над головой;

5) вся процедура (продажа старого и покупка нового жилья) должна обсуждаться на собрании кредиторов и утверждаться судом – отдельно прописываться в плане реализации имущества. Таким образом, самовольные действия отдельных кредиторов исключаются;

6) если при приобретении нынешнего жилья должником было допущено злоупотребление правом (например, должник незадолго до банкротства купил или получил дорогое жилье, явно несоразмерное его нуждам, с целью спрятать деньги в «неприкосновенный» актив), то такое жилье подлежит реализации, а должник возвращается в исходные жилищные условия. Это правило нацелено на пресечение попыток манипулировать статусом единственного жилья.

Приведенный Обзор Верховного Суда фактически подвел черту под многолетней судебной дискуссией. Он продемонстрировал, что даже без нового закона судебное сообщество во главе с Верховным Судом в состоянии выработать относительно стройную систему критериев, т.е. создать полноценную судебную доктрину об обращении взыскания на единственное жилье. Однако такой путь нельзя назвать идеальным.

3. Судебная практика по единственному жилью: доктрина или временное решение?

Возникает вопрос: можно ли называть сложившуюся практику по единственному жилью формой судебной доктрины в России? С учетом приведенных признаков доктрины – системности, многократности применения, выработки общего принципа – ответ скорее утвердительный. Налицо все элементы: есть основополагающее решение Конституционного Суда, серия последующих актов Верховного Суда, разъяснения и обзоры Пленума/Президиума, которые совместно формируют комплекс правил. Эти правила восполняют пробел закона и призваны применяться в каждом новом деле о банкротстве гражданина с потенциально избыточным жильем. Таким образом, де-факто имеется «доктрина замещения роскошного жилья» – судебно созданная норма поведения для должников и кредиторов.

Одновременно необходимо признать, что существование такой доктрины – симптом проблемы в законодательстве. Конституционный Суд еще в 2012 и повторно в 2021 г. указал на обязанность законодателя отрегулировать данный вопрос. Однако, как констатируют исследователи, указания Конституционного Суда остаются без практической реализации, что негативно сказывается на правах всех заинтересованных лиц [14]. Пока доктрина не получит выражение в законе, она остается уязвимой. Риски и проблемы здесь следующие:

1) правовая неопределенность и противоречивость практики. Без четкого закона разные суды могут по-разному понимать критерии доктрины. Мы уже наблюдали существенные расхождения до вмешательства Верховного Суда. Хотя Обзор 2025 г. и дал определенные ориентиры, они сами по себе не обладают силой закона и могут трактоваться вариативно. До принятия нормативных изменений сохраняется риск новых коллизий в судебных решениях разных регионов;

2) нарушение принципа разделения властей. Фактически суды вынужденно выступили в роли суррогатного законодателя. Конституционный Суд применил прием конституционного истолкования, по сути, введя новые правила (например, об обязательном замещающем жилье, экспертизах и пр.), а Верховный Суд детализировал эти правила в Обзоре. Некоторые специалисты указывают, что столь активное нормативное творчество судей чревато размыванием грани между судом и законодателем [15]. Суды не обладают тем демократическим мандатом, которым наделен законодатель, поэтому их «доктринальное» регулирование может восприниматься как менее легитимное [16];

3) ограниченная обязательность и исполнение. Если должник или кредиторы не согласны с судебной позицией, они могут попытаться ее оспорить, ссылаясь на букву закона, где до сих пор написано об абсолютном иммунитете. Например, должник, потеряв жилье, может обратиться в Конституционный Суд повторно, утверждая, что его лишили жилища без прямого закона. Хотя Конституционный Суд уже высказался на эту тему, отсутствие формальной поправки в ГПК оставляет простор для маневра. То же касается и кредиторов: пока нет закона, найти справедливый баланс исключительно средствами судейского усмотрения трудно, и каждая новая деталь (скажем, сколько метров считать достаточным, какую стоимость – приземлемой) может стать предметом спора;

4) права должников и гуманитарные последствия. Авторы, анализируя влияние позиций судов, указывают на потенциальные угрозы для должников и их семей [17]. Судебная доктрина требует, чтобы должнику предоставили жилье не хуже социального минимума и в том же городе, но нет гарантии, что на практике новый дом будет сопоставим по качеству, инфраструктуре и иным нематериальным параметрам. Есть риск, что семья должника, формально получив «крышу над головой», фактически ухудшит условия жизни (например, переезд из центра города в отдаленный район в меньшее жилье, как в деле Стружкина [18]). Без четких законодательных критериев достоинство должника легко может быть ущемлено под флагом удовлетворения интересов кредиторов;

5) опасения кредиторов. С другой стороны, недостаточно проработанная доктрина может ударить и по кредиторам. Если суды будут чрезмерно осторожны (опасаясь преступить закон), то даже при наличии дорогого жилья у должника кредиторы могут продолжать получать нулевое удовлетворение. Доктрина должна быть реализована единообразно, иначе кредиторы в одних регионах окажутся в худшем положении, чем в других, что подрывает равенство перед законом.

Заключение

Подводя итог, следует признать: практика, связанная с единственным жильем, действительно приобрела черты судебной доктрины в современном российском праве. Она родилась от отсутствия прямого закона и была выкована усилиями Конституционного и Верховного судов. Данная доктрина служит временным компромиссным решением – защищает и право на жилище в минимально необходимом объеме, и право кредиторов на удовлетворение за счет роскошной части имущества должника. Однако ее существование высветило системную проблему: зависимость правового порядка от воли суда там, где должна действовать норма закона. Как справедливо отмечается, Конституционный Суд не может подменить собой законодателя – его роль и роль ВС РФ ограничена рамками толкования [19]. На протяжении более чем 10 лет высшая судебная власть настойчиво сигнализирует законодателю о необходимости реформ в данном институте, но без полноценного отклика.

В заключение можно выразить надежду, что законодатель своевременно закрепит выработанные судами критерии на уровне закона. Это придаст доктрине официальный статус, устранил разногласия и снизит риски. Исследование вопроса единственного жилья должника наглядно показало: судебная доктрина может быть полезным инструментом развития права в условиях пробела, но она не должна превращаться в постоянный заменитель закона. Задача юридического сообщества – извлечь урок из этой ситуации и обеспечить гармоничное взаимодействие судебной доктрины, прецедента и законодательства во имя справедливости и правовой определенности.

Пристатейный библиографический список

1. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗиСП ; Норма ; ИНФРА-М, 2020.
2. Мохов Р. М. Судебная доктрина как источник права // Политика, экономика и инновации. 2018. № 4 (21).
3. Ибрагимова Ю. Э. Роль судебных доктрин в установлении и устранении пробелов в законодательстве // Журнал российского права. 2019. № 11.
4. Dennis J. M. The Constitutional Avoidance Doctrine: The Constitutional-Doubt Canon (Part 3 of 3) // Every CRS Report : сайт. URL: https://www.everycrsreport.com/files/2022-03-29_LSB10722_6c114db076e46d1c7801d39ca3d28c6baba09237.pdf (дата обращения: 19.09.2025).
5. Historical Background on Noneconomic Substantive Due Process (Griswold v. Connecticut и "penumbras") // U.S. Constitution : сайт. URL: https://constitution.congress.gov/browse/essay/amdt14-S1-6-3-2/ALDE_00013816/%5B%27penumbra%27%5D (дата обращения: 19.09.2025).
6. Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».
8. Макарова О. В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации как форма судебного надзора // Журнал российского права. 2012. № 6.
9. Шапран Н. В. К вопросу о понятии судебной доктрины // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч. ст. по материалам XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Красноярск, 19–24 сент. 2022 г.). Красноярск : СФУ, 2022.
10. Ануфриева Л. П. Понятие «судебная доктрина» в отечественном правоведении (некоторые общие заметки) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 12.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2694.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П (по жалобе И. И. Ревкова) // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3696.
13. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Бирклей В. Е. Иммуниет единственного жильца при банкротстве: США, Германия и Россия // Юридическая наука. 2023. № 1.
15. Ершов В. В. «Судебное правотворчество»: pro et contra // Правосудие. 2020. Т. 2. № 1.
16. Dennis J. M. The Modes of Constitutional Analysis: The Constitutional Avoidance Doctrine (Part 9) // Congress.gov : сайт. URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/LSB/PDF/LSB10719/LSB10719.5.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

17. Король М. ВС прояснил вопрос об исполнительском иммунитете // Адвокатская газета : сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vs-proyasnil-vopros-ob-ispolnitelskom-immunitete/> (дата обращения: 19.09.2025).

18. Синченкова А. Единственное жилье должника: Верховный суд разъяснит правила выселения и размена // Право.ru : сайт. URL: <https://pravo.ru/story/226112/> (дата обращения: 19.09.2025).

19. Конституционный Суд Российской Федерации. Проблемы законодательных пробелов в конституционной юриспруденции: национальный доклад XIV Конгрессу Конференции европейских конституционных судов. Вильнюс, 2008 // Conference of European Constitutional Courts : сайт. URL: https://www.confeuconstco.org/reports/rep-xiv/report_Russian_ru.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

References

1. Lazarev V. V., Gadzhiev Kh. I. (eds.). *Judicial Doctrines in Russian Law: Theory and Practice: Monograph*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law; Norma; INFRA-M, 2020. (In Russ.)

2. Mokhov R. M. *Judicial Doctrine as a Source of Law. Politics, Economics, and Innovation*, 2018, no. 4 (21). (In Russ.)

3. Ibragimova Iu. E. The Role of Judicial Doctrines in Establishing and Eliminating Gaps in Legislation. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 11. (In Russ.)

4. Dennis J. M. The Constitutional Avoidance Doctrine: The Constitutional-Doubt Canon (Part 3 of 3). URL: https://www.everycrsreport.com/files/2022-03-29_LSB10722_6c114db076e46d1c7801d39ca3d28c6baba09237.pdf (date of the application: 19.09.2025).

5. Historical Background on Noneconomic Substantive Due Process (*Griswold v. Connecticut* and “penumbras”). URL: https://constitution.congress.gov/browse/essay/amdt14-51-6-3-2/ALDE_00013816/%5B%27penumbra%27%5D (date of the application: 19.09.2025). (In Russ.)

6. Gadzhiev Kh. I. *Judicial Doctrines and the Effectiveness of Law Enforcement. Journal of Russian Law*, 2019, no. 6. (In Russ.)

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 19, 2017 No. 1-P “On the Case Concerning the Resolution of the Issue of the Possibility of Enforcing, in Accordance with the Constitution of the Russian Federation, the Judgment of the European Court of Human Rights of July 31, 2014 in the Case of *OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia* in Connection with the Request of the Ministry of Justice of the Russian Federation”. (In Russ.)

8. Makarova O. V. Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation as a form of judicial supervision. *Journal of Russian Law*, 2012, no. 6. (In Russ.)

9. Shapran N. V. On the Concept of Judicial Doctrine. In *Yenisei Political and Legal Readings: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference with the International. Participation* (Krasnoyarsk, September 19–24, 2022). Krasnoyarsk: SFU, 2022. (In Russ.)

10. *Anufrieva L. P.* The Concept of “Judicial Doctrine” in Domestic Jurisprudence (Some General Notes). *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 12. (In Russ.)

11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2012 No. 11-P. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 21, art. 2694. (In Russ.)

12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P (based on the complaint of I. I. Revkov). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 22, art. 3696. (In Russ.)

13. Review of Judicial Practice in Cases of Bankruptcy of Individuals (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

14. *Birkley V. E.* Immunity of the Only Residence in Bankruptcy: USA, Germany, and Russia. *Legal Science*, 2023, no. 1. (In Russ.)

15. *Ershov V. V.* “Judicial Lawmaking”: Pro et Contra. *Justice*, 2020, vol. 2, no. 1. (In Russ.)

16. *Dennis J. M.* The Modes of Constitutional Analysis: The Constitutional Avoidance Doctrine (Part 9). URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/LSB/PDF/LSB10719/LSB10719.5.pdf (date of the application: 19.09.2025).

17. *Korol M.* The Supreme Court Clarified the Issue of Executive Immunity. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vs-proyasnil-vopros-ob-ispolnitelskom-immunitete/> (date of the application: 19.09.2025). (In Russ.)

18. *Sinchenkova A.* The Debtor’s Only Housing: The Supreme Court Will Clarify the Rules for Eviction and Exchange. URL: <https://pravo.ru/story/226112/> (date of the application: 19.09.2025). (In Russ.)

19. Constitutional Court of the Russian Federation. Problems of Legislative Gaps in Constitutional Jurisprudence: National Report to the XIV Congress of the Conference of European Constitutional Courts. Vilnius, 2008. URL: https://www.confueconstco.org/reports/rep-xiv/report_Russian_ru.pdf (date of the application: 19.09.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

С. И. Саванина – аспирант.

Information about the author:

S. I. Savanina – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 03.12.2025.

The article was submitted to the editorial office 01.09.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 03.12.2025.